

Инна БОГАЧИНСКАЯ: «Я вынуждена была флиртовать с законом, с которым обычно в азартные игры не играю»

Наша землячка поэтесса Инна Богачинская много лет живет за границей. В 1991 году известная на Западе Энциклопедия «Британика» назвала ее одним из наиболее состоявшихся поэтов русского зарубежья. В том же году Инна стала лауреатом Международного фестиваля русского искусства в Чикаго. Она также была удостоена звания Поэта года в Нью-Йорке. Все это, несомненно, говорит об успехе одесситки Инны Богачинской. Но, как и у медали, в жизни любого поэта есть и другая сторона. Вот о ней мы и попытались поговорить с поэтессой...

Всегда хотелось дышать полной грудью

– **Инна, что заставило вас покинуть в свое время Москву, Одессу?**

– В Одессе в семидесятые годы я со всей присущей мне остротой восприятия ощущала социальную клаустрофобию. Во всех сферах бытия. Особенно она давила на творческих людей. Несмотря на любовь к Одессе, фонтанировавшую во мне на клеточном уровне, и на то, что у меня был круг дорогих мне друзей, таких, как, например, художник Олег Соколов, журналистка Ирина Пустовойт, я испытывала неудержимое стремление вырваться из этого гнетущего климата. Местом, где можно дышать свежим воздухом, мне представлялась Москва.

Я очень часто бывала в этом городе. И благодаря своей поэме «Репортаж с ярмарки» стала известна в литературных кругах столицы. Эта моя поэма широко разошлась в самиздате. Её переписывали от руки. Однако одного моего желания уехать из Одессы было мало. В те годы поменяться на Москву было крайне сложно. И для того чтобы получить такое разрешение, я вынуждена была «пофлиртовать» с законом, с которым обычно не играю в азартные игры. Пришлось фиктивно выйти замуж в Москве, так как другого пути не было. А после я в очередной раз удостоверилась в незыблемости древней мудрости о том, что пути Господни неисповедимы. Сюжетный ход жизни вывел меня на встречу с моим энным мужем, который тоже задыхался в тисках социалистической системы. Ему понадобилось очень много времени и напора, чтобы уговорить меня изменить маршрут на Америку. Хоть и согласилась, но внутренняя ломка была настолько драматичной, что её последствия сказываются и по сей день.

– **Насколько трудно было адаптироваться в Америке?**

– Бесконечно сложно. Более того, по большому счету, я так по-настоящему и не адаптировалась. Когда есть ярко выраженный внутренний стержень, на мой взгляд, невозможно натянуть на себя чуждый тебе облик.

Меня взяли на работу в газету «Новое русское слово», где бытовал дух полного тоталитаризма и враждебности трех волн эмиграции. Но, как всегда, нужно принимать плюсы и минусы. Несмотря на опять-таки удушливую атмосферу, мои

стихи стали регулярно печататься. И не только в русскоязычной американской прессе, но и в парижской «Русской мысли» и в других изданиях. Но срок моей «отсидки» в «Новом русском слове», к счастью, оказался недолгим. Очередной сюжетный поворот переместил меня в Рокфеллеровский университет, где я проработала 14 лет. А последующие 14 лет я работала уже на себя – судебной переводчицей. Кстати, переводами я занималась в течение всего своего почти 30-летнего пребывания в США. Меня вызывают во все суды Нью-Йорка: верховный, уголовный, гражданский и семейный. Мне работа моя очень нравится, ибо для меня это ещё один неисчерпаемый источник познания жизни. Многие знакомые советуют

описывать некоторые судебные дела, на которых я перевожу. Но времени на это нет.

Мне чужда компьютеризация разума, я – за бесшабашность души

– Что-то удивило вас в американцах, их культуре, когда только переехали в Нью-Йорк?

– В глаза бросилось поверхностное отношение американцев ко всему. Определив для себя скромную роль человековеда, я пыталась проникнуть в их душевно-ментальный строй и соорудить для себя их модель.

В общих чертах, как мне видится, – это их «невнедряемость» ни во что, кроме своих личных интересов. Она исходит от исторически сложившегося образа жизни:

этих «хуторков в степи» или в лесу, на больших расстояниях друг от друга. Главное – не приближаться. Не вдаваться в чужие проблемы. Экономить и чувства, и собственные накопления, лихорадочно стремясь к приумножению последних. Они вычислены во всё. Моя семья была в шоке, когда вскоре после прибытия в Нью-Йорк нас пригласил к себе один американский профессор, с которым я, кстати, познакомилась ещё в Одессе и который, собственно, и сделал мне приглашение в Нью-Йорк. Так вот, сидя в его квартире, мы слышали, как его гражданская жена ругалась на кухне за то, что он в какой-то стакан положил три вишенки, а не две. И ему пришлось вылавливать одну вишню. А потом она одну стандартную салфетку разделила на четыре части, чтоб, не дай Бог, не использовать целую салфетку на одного гостя. В отличие от русского хлебосольтва, все высчитывается и выставляется на стол в том количестве единиц, которое соответствует количеству присутствующих лиц.

У них, кстати, не принято, как в России, одалживать что-то, чего не обнаружилось в хозяйстве. Наши родные коммуналки, где всё было общим, для них более непостижимы, чем, скажем, полёт на другую планету. Поэтому мне, не выносящей границ и лимитов, чужда вся эта американская компьютеризация разума, умеренность и взвешенность. Моё обиталище – безграничные пространства и бесшабашность славянской души.

У поэта есть предназначение свыше

– **В одной из наших бесед вами было сказано: «Мы все здесь, на Земле, словно в исправительной колонии». Какое место отведено поэту в этой колонии?**

– Да, я действительно давно получила информацию о том, что телесное воплощение на Земле предполагает суровое обучение. Даже расположение Земли на задворках Галактики свидетельствует о её роли «воспитателя» несовершенных душ. Если бы люди это осознавали, они бы чётко ощущали, что их предназначение – развивать себя на всех магистралях своей внутренней Вселенной. И, конечно, безоговорочно принимать даже самые неудобоваримые и болезненные ситуации, которые им предписано пройти.

Я не знаю о местах, отведённых поэтам в целом. Как известно, каждому – своё. Что касается меня, то я хорошо осознаю предназначение своего творческого дара.

Свыше мне назначено: из своего объемного личного источника тепла и сострадания окутывать страждущих волнами любви и поддержки и вселять в них Веру и Надежду.

– **Это правда, что первым вас признал Вознесенский?**

– В Москве я рано познакомилась с Ахмадулиной, Евтушенко, Вознесенским, Дементьевым... И действительно, первым из великих поэтов меня признал Андрей Вознесенский. Необыкновенного чувства юмора, спонтанный человек! У меня дома есть даже «музей Вознесенского». Столько хранится памятных вещей от него! Но в последний, осенний, приезд в Москву он и его жена Зоя Богуславская пригласили нас с мужем на обед в ресторан Центрального дома литераторов. Когда я показала Андрею Андреевичу своё фото, сделанное в моей нью-йоркской квартире, возле висящего на стене автопортрета Вознесенского, Андрей Андреевич сильно разволновался и попросил меня подарить ему эту фотографию. Когда-то, много лет назад, он подарил этот автопортрет одному из американских университетов. Ещё один оригинал оставил мне и абсолютно забыл об этом его

творении. И вот сейчас, по прошествии долгого времени, он вспомнил об этом эпизоде и попросил, чтобы я подарила ему свою фотографию на фоне его автопортрета. Там он нарисовал себя во время торжественного присвоения ему звания академика. На нём, как водится при такой церемонии – четырёхугольная шляпа, которую он графически изобразил строками из своего экспромта, написанного по этому случаю:

Спасите, Боги, мою душу!

Через различные этапы

Я шёл от «Треугольной груши»

До четырёхугольной шляпы.

Привет и пожелания одесситам

– Позволю себе привести строки из моего стихотворения «Гимн одесситам», которое я подарила своим согражданам после того, как они совершили фантастический для меня акт: собрали деньги, чтобы выпустить мою пятую книгу «Репортаж из параллельного мира».

Пусть не гаснет звезда ваша.

Пусть не злочинствуют тучи.

*Чтобы вам не пришлось от себя
отлучать никого.*

Ведь на свете щедрей

нет сограждан, мудрее и лучшие.

Пусть же здравствует Город

и племя золотое его!

Беседовала

Снежана ПАВЛОВА.

Фото Юлии АНДРИАНОВОЙ

г. Одесса